

Причин, по которым метафорой XX века вполне может быть признана сама память — несколько.

Ряд связанных между собой обстоятельств повлияли на возникновение темы памяти вначале как темы Модерна. Интерес к памяти возник в европейском обществе как раз тогда, когда сформировался облик современной цивилизации и одновременно возникли симптомы «недовольства» этой цивилизацией и ее проявлением в человеке. Это становление сопровождалось утратой традиций, разрушением аграрного общества, относительно устойчивого, привычного уклада. С переходом от традиции к модернизму множество анонимных индивидов, социальных атомов, лишенных связей между собой, начинают действовать в обществе. Модерн — это общество индивидов. Однако их действия оказались взрывом «возбужденной народной массы, бурной, необузданной и податливой»⁵. Главной характерной чертой эпохи становилась «замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы»⁶. XX век, век толп, растворял индивида в массе.

Проблематичность Модерна, рост психологической напряженности, появление все большего числа случаев отклонения от нормы в поведении людей — фон, на котором выростала тема памяти. Возможность сойти с ума представлялась реальной. При этом существовали области, где вхождение в Модерн осуществлялось в первую очередь через репрессивные дисциплинарные практики. Осмысление этого процесса в XX в. привело к мысли, что память — это своеобразная «запись законов на теле»⁷. Однако еще Ф.Ницше в конце XIX в. попытался представить память как древний и сильнейший социальный инструмент наказания, кары, возмездия. Сотворение памяти с помощью боли —⁸. Тема памяти оказалась весьма плодотворной для объяснения поведения индивидов и масс.

Уже в начале столетия рефлексия по этому поводу стала неперенным атрибутом философских исследований (А.Бергсон), психологии (З.Фрейд), литературных автобиографий (М.Пруст), где память рассматривалась как способность индивидуального сознания.

Память по А.Бергсону – это образ прошлого. Однако память, как неоднократно пытался обосновать на страницах своей книги Бергсон, состоит вовсе не в возвращении к прошлому, а наоборот, в передвижении прошлого в настоящее. Более того, память сжимает в единой интуиции множество моментов времени. Поэтому «формула памяти» звучит как «синтез прошлого и настоящего в виду будущего»⁹. А.Бергсон выделил две формы памяти, первую из которых он определял как память естественную для жизни, ориентированную в соответствии с природой, основанную на повторяемости, продукт полезного действия былых образов до настоящего момента, память=привычку тела, связанную с деятельностью мозга, или «скорее, привычку, освященную памятью, чем память», которая «разыгрывает наш прошлый опыт, но не вызывает его образа». Роль тела здесь – не накапливать воспоминания, а выбирать только полезное, необходимое в данный момент. Поэтому прошлое ценно в здесь как элемент ритуала, своей включенностью в настоящее.

Вторая память выступает как отвлечение от настоящего, она носит характер грез, мечтаний, эта память воображает. Все события жизни всплывают как образы=воспоминания. Образная память – это свойство духа и проявление прошлого. Большинство воспоминаний связано с событиями прошлого, которые не повторяются. Прошлое оказывается ценным само по себе, как предмет воспоминаний, причем ценным в разной степени, субъективно для каждого. Эту вторую память А.Бергсон и называл собственно памятью: «сорастяжимая с сознанием, она удерживает и располагает одно за

другим все наши состояния, по мере того, как они наступают, оставляя за каждым фактом его место, то есть обозначая его дату; она действительно движется в окончательном прошлом, а не как первая в непрерывно зачинающемся настоящем¹⁰.

Нормально, если обе памяти действуют согласованно, они создают определенное равновесие¹¹. «Нарушение равновесия памяти» — вот диагноз, который ставится больному человеку.

Этот диагноз может стать и симптомом нездоровья всего общества. Моральные потрясения веры в самих себя и в человеческую доброту, вызванные военными катастрофами начала века, требовали поиска устойчивости и определенности. Современность, обрекающая человека на одиночество, таких оснований не давала. «“Современный” человек всегда одинок, ибо каждый шаг к более высокому и более широкому сознанию отдаляет его от изначальной, чисто анималистической *participation mystique* с толпой, от погружения в общее бессознательное»¹².

У этой проблемы есть и другая сторона. Наметившийся еще в XIX в. интерес к коллективным представлениям (Э.Дюркгейм), коллективной психологии (Г.Лебон, Г.Тард) неминуемо должен был соединиться с исследованиями в области памяти. Так был сделан следующий шаг, и память оказалась в центре внимания психологии (З.Фрейд, К.Г.Юнг, В.М.Бехтерев, Л.С.Выгодский, А.Н.Леонтьев), социальных наук (М.Хальбвакс, П. Жане, Н.А.Бердяев, Р.Барт, К.Беккер) с точки зрения коллективного, а также связи индивидуального и коллективного. «Открытие» коллективного бессознательного стало по сути открытием всеобщей человеческой прапамяти, и, вероятно, поэтому оно «невзирая на свой ужасающий облик, обладает огромной притягательной силой»¹³.

Систематическую концепцию коллективной памяти создал М. Хальбвакс, сконструировавший связь между социальной группой и коллективной памятью. При этом

любые воспоминания являются реконструкцией, а не репродукцией прежнего опыта. В серии своих исследований он отметил, что каждая память, которой обладает каждая социальная группа, ограничена во времени и пространстве¹⁴. П. Жане подчеркивал социальный характер памяти, неразрывную связь ее с развитием языка. Он представлял память специфическим действием, отличным от автоматического повторения, приводящего к образованию навыков. С памятью связан совершенно особый тип человеческого поведения¹⁵.

Конечно, социальные группы не могут помнить (в физическом смысле) — это исключительно способность индивида. И, конечно, люди не могут помнить события, в которых не принимали участия. Однако, как замечено, «не нужно штурмовать Бастилию, чтобы отметить 14 июля как символ национальной идентичности»¹⁶. Именно память позволяет нам понять, как люди конструируют прошлое, в котором они не принимали участия непосредственно, но представления о котором разделяют с другими членами группы как установленное значение культурного знания и традиции. По мнению С.Московичи, «впечатления прошлого сохраняются в психической жизни масс равным образом в форме мнестических следов»¹⁷.

Вторая половина нынешнего столетия, особенно 70-80-е годы, отмечены повышенным интересом к памяти. При этом теоретическое осмысление¹⁸ шло параллельно с конкретными исследованиями¹⁹.

По мере изучения памяти сложилось общее представление о том, что, во-первых, память общества, коллективная память находится вне индивидуального уровня; во-вторых, память — это культурная конструкция. Понимание процессов культурных изменений в любых областях предполагает понимание социальной памяти. Тем самым изучение социальной памяти — часть более широкого междисциплинарного интереса в изучении культурных практик.

Все исследования в области социальной памяти сосредоточены на нескольких общих задачах.

Наиболее общая — определение социальной памяти. Вероятно, какое-либо общее, единое определение вообще невозможно. Далее следует назвать задачу изучения специфики социальной памяти для различных событий или исторических периодов. И, наконец, влияние социальной памяти на другие социальные, политические и культурные практики.

Однако прежде всего следует отметить, память исторически меняется. Во-первых, сами специфически человеческие формы памяти появились как продукт исторического развития психики²⁰. Во-вторых, сама память в человеческом обществе обладает динамикой²¹. «Мы должны знать, — пишет П.Нора, — о разнице между правдой памяти, которая вынуждена спасаться в жестах и привычках, в искусствах, ремеслах, передаваемых устной традицией, в наследстве самосознания самого тела, в неустановленных рефлексах и закоренелых памятях и памятью, трансформирующейся через прохождение сквозь историю, которая является практически противоположной первой — волюнтаристской и намеренной, воспринимаемой как обязанность, а не спонтанной, психологически индивидуальной и субъективной, но никогда — социальной, коллективной»²².

Следует обратить внимание на следующее обстоятельство. В исследованиях памяти преобладает точка зрения (идушая во многом от концепции Э.Дюркгейма о коллективных представлениях), согласно которой социальная память — исключительно память коллективная. Тем самым индивидуальное оказывается как будто вне социального, то есть социальное характеризует не отдельного индивида, а только различные общности людей. Между тем человеческий индивид и его психика изначально и всегда социальны. Социальность многообразна и проявляется в разных формах²³. Другое

дело, что (по Дюркгейму) общество — это реальность, которая не сводится к совокупности индивидов. Так же и память общества, коллективная память не сводится к сумме памятей индивидов.

При историческом изучении памяти необходимо особо подчеркнуть различие между обществом с преимущественно устной памятью и обществом с преимущественно письменной памятью. Первое, на что было обращено внимание, это существование по крайней мере двух форм памяти — архаической, то есть памяти традиционного общества, и памяти современного общества (Модерн). Те, кто пишут о памяти, так или иначе пытаются проникнуть в суть этих различий. Черты обеих форм памяти обнаруживаются как в прошлом, так и в настоящем — в памяти общества, группы, отдельного человека, и все же можно вести речь о преобладании во времени и пространстве той или иной формы памяти.

Прежде всего архаическая память (память традиционного или примитивного общества) — коллективная, она и проявляет себя как коллективная. В литературе как уже упоминалось, отмечается тождественность понятий «коллективная» и «социальная» память. Память современная — прежде всего индивидуальна и субъективна.

У архаической памяти нет ярко выраженного начала и конца, здесь действует круговое время, причем прошлое по сути неизменно, священо, а настоящее и будущее повторяют прошедшее и все три временных регистра способны поменяться местами. Здесь все знакомо и определено, а потому правит ритуал. Архаическая память выражает себя в жестах, привычках, умениях и навыках. Эта такая память, о которой А. Бергсон писал как о памяти-привычке тела. Подобная память особенно предрасположена к сохранению практических и технических знаний, к специальным знаниям. Происходит передача секретов различных профессий из поколения в поколение в рамках отдельных профес-

сиональных групп. Более того, в обществах с преобладанием устной традиции имеются специалисты по воспоминаниям, «люди-память»: генеалоги, блюстители королевского кодекса, придворные историки, хранители традиций. Сюда же следует причислить стариков — глав семейств, бардов, священнослужителей. Твердое и прочное прошлое архаической памяти не исключает того, что передача информации здесь происходит не дословно, а с отступлениями, искажениями и вариациями (пример — различные версии мифов и легенд). Как отмечает Ж.Ле Гофф, точная память здесь не нужна — «она менее полезна и менее ценна, чем результат, который достигается из практики, опираясь на усвоенную информацию о прошлом». Коллективная память в дописьменном обществе отличается, по мнению Ж.Ле Гоффа, большой свободой. Это — не механическая, а творческая память²⁴. С развитием письменности репродуктивная память, сохраняется, но перестает играть ведущую роль.

На смену нерефлексирующей памяти, памяти-обычаю в традиционном обществе, в современном обществе приходит память, основанная на индивидуальном восприятии, связанная с индивидуальной биографией, которая отражает социальную мобильность в обществе. Память приобретает характер единичного, хотя и включает в себя как индивидуальное, так и коллективное. История жизни может быть прочитана как запечатленные в памяти факты.

Современная память — это память воспоминания, реконструкции, продолжения, но не повторения. В современной памяти появляются временные границы; ей свойственно ставить конкретные вехи на шкале времени: «до» и «после», «раньше», «позже», «теперь». Здесь постоянно разрушается знакомое; прошлое — иное, зачастую непредсказуемо; будущее, вытекая из настоящего, столь же многомерно.

Если архаическая память спонтанна, то современная — намеренна и специально организована. Первая может не иметь вещественного выражения, она в своей основе — устная и ритуальная, в то время как вторая — преимущественно письменная, документально подтвержденная, основана на материальных следах, немедленном воспроизведении, видимых образах. То, что начинается с письма, заканчивается высокой точностью в буквальном воспроизведении (например, в магнитофонном). Поэтому если в одном случае «институтами» памяти являются традиции и обычаи, то во втором — архивы, музеи и т.п.

Все это — лишь общие, условные критерии разделения форм памяти. Это вовсе не значит, что архаическая память свободна от попыток манипулирования ею, а современная память не находит своего выражения в коллективной памяти. Архаическая память проявляет себя в мифе и выражается им же, современность не менее мифологична, чем древность. Память в традиционном обществе имеет, естественно и материальное, вещественное выражение, а общество современное не прочь изобрести традицию или расширить свою память с помощью новейших масс-медиа, использующих не только письмо, но слова, звуки, образы и прочее.

Историческая трансформация памяти сформировала дискурс памяти. Однако при этом важен исторический контекст, в котором он развивается. В западном обществе в одних случаях это ощущается как признак ухода памяти или ее потери (П.Нора), в других — как свидетельство приобретения памятью в современном обществе еще большей значимости, чем в обществе традиционном (Дж. Нерон).

В России причины появления исторического аргумента в публичных дискуссиях коренятся в своеобразной культурно-духовной атмосфере последних полутора десятка лет, связанной с переменами во власти и обществе. При этом с историческим аргументом про-

изошли определенные метаморфозы: стремление общества насытить свою историческую память, «очистить» ее, восстановить «искаженную» память вылилось в процесс поиска идентичности — всем обществом и отдельными его группами, прежде всего политическими и этническими, в появлении ностальгии по «ненаписанной истории» и «непройденному прошлому»²⁵.

Таким образом, дискурс памяти возникает так или иначе, когда каждая общность или каждое общество в определенный момент, в «свое» время переживает состояние «разрыва» с прошлым. Вместе с тем, если Модерн не только демонстрировал разрыв с традицией, но и реально порывал с ней, то Постмодерн пытается преодолеть этот разрыв. Поэтому причина повышенного интереса к памяти видится, в частности, в том, что память теряется, уходит, а встревоженное и опомнившееся человечество судорожно пытается ее сохранить. «Мы говорим так много о памяти, — отмечал П.Нора, — так как очень мало от нее остается»²⁶. В конечном счете с самой памятью произошло нечто подобное, что происходит с обществом, когда его настоящее оказывается неустойчивым и нуждается в определенных подпорках. Тогда общество призывает на помощь память и пытается с ее помощью расставить ориентиры на шкале «прошлое-настоящее-будущее».

Складывание современных социальных наук прямо отразилось на памяти. Появилась новая область исследований — изучение ментальности. Существует тесная взаимосвязь между ментальными установками людей, их памятью и поведением. Ментальность — это непрерывный опыт (память) социума, цепь опытов поколений. Ментальность как память передается в виде врожденных психических, логических, лингвистических и других образов и структур, а также в виде текстов. Ментальные установки людей определяют характер и

особенности исторического процесса. Представление о них связано с реконструкцией «картины мира», в которой свою нишу имеет память ²⁷.

Современное же общество постоянно находится в поиске того, насколько память, которая относится вовсе не к прошлому, а выражает отношения «прошлое-настоящее», в действительности объясняет настоящее. Достаточно привести различные определения памяти, чтобы представить вектор этого поиска.

В трактовке социальной памяти отечественными исследователями заметно стремление обозначить ее не только как определенным образом существующую информационную систему, а значительно шире — как социальный опыт человечества. В этом смысле оказываются тождественными понятия «культура» и «память», то есть культура выступает как социальный опыт или социальная память человечества, или «внегенетическая память коллектива»²⁸.

Схожие оттенки звучат в работах западных исследователей. Так, память определяется как «чувство прошлого» ²⁹; «то, что из прошлого уцелело в жизни определенных групп или как то, что эти группы сделали из прошлого, сохранение прошлого в настоящем»³⁰; «диалог, процесс создания значений для специально сконструированного, искусственно созданного прошлого»³¹; «искусственное (намеренное) воспоминание о некотором опыте — групп, институций или индивидов в обществе, организованное в соответствии с признанной традицией и имеющая моральное измерение»³²; «символическое представление о традиции и о прошлом, возникающее в контексте социальных действий; выдумывание прошлого»³³. Как было замечено, «хотя мы не всегда способны дать определение каким-либо вещам или явлениям (например, в случае с памятью это сделать так же сложно, как — по аналогии — дать определение непристойности) наша интуиция подсказывает нам, и мы знаем, что это именно память, когда видим ее»³⁴.